

Валентин Пикуль

От дедушки Соколова до внука Петрова

*Часть сборника
Через тернии – к звездам.
Исторические миниатюры*

Через тернии – к звездам

Валентин Пикуль

**От дедушки Соколова
до внука Петрова**

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

От дедушки Соколова до внука Петрова / В. С. Пикуль —
«ВЕЧЕ», — (Через тернии – к звездам)

«...окунемся во времена екатерининские. Эта дама любила шахматы, а ее светлейший фаворит Потемкин Таврический перемежал дела государственные с разрешением шахматных комбинаций. Увлечение шахматами в эпоху “екатерианства” было столь велико, что даже под Очаковым, когда Суворов был ранен, полковой врач застал его плавающим в крови, но... за партией со своим адъютантом...»

Валентин Пикуль

От дедушки Соколова до внука Петрова

Историческая миниатюра

Сейчас, когда в нашем обществе немало пересудов и кривотолков о благородстве шахматных турниров, мне, конечно, вспоминается былое – как сражались наши предки? Нет смысла погружаться в пучины древности, ибо читатель без меня знает, что даже в былинах воспеты русские витязи, разрешавшие спорные вопросы не бранным мечом, а за шахматною доскою: “шах да и мат да и под доску”, – иначе говоря, побежденный лез под стол, чтобы наглядно принять позор своего умственного поражения.

Оставим древность, на время забудем попа Битку да Степку Вытащи, кои не боялись загонять под стол даже Петра Великого, и сразу окунемся во времена екатерининские. Эта дама любила шахматы, а ее светлейший фаворит Потемкин Таврический пережегал дела государственные с разрешением шахматных комбинаций. Увлечение шахматами в эпоху “екатерианства” было столь велико, что даже под Очаковым, когда Суворов был ранен, полковой врач застал его плавающим в крови, но... за партией со своим адъютантом. 1791 год памятен на Руси появлением перевода работы Вениамина Франклина “Нравственность игры в шахматы”, в которой доказывалось, что жизнь человека сродни шахматной игре, а наша судьба во многом зависит от умения управлять ею, предугадывая опасности и умело отражая атаки озлобленных недругов.

Будем считать, что вступление окончено.

Так что, дорогой читатель, сразу перейдем к делу...

Для этого представим себе глухую столичную окраину – Инженерную улицу на Петербургской стороне, где в скромном домике проживал знаток российских законов Иван Алексеевич Соколов, который всю сознательную жизнь провел под каблуком своей ненаглядной супруги Авдотьи Александровны. Тихо там было, по ночам слышалось, как в саду тяжко опали с деревьев перезрелые яблоки, а спать тогда рано ложились, пробуждаясь с первыми петухами. Вот этот-то Соколов был лучшим шахматистом России, и даже в старости – уже сенатор! – он готов был проснуться в полночь, чтобы поиграть в шахматы, говоря при этом:

– Да не слишком ли поздно, мой любезный? Ведь мне завтра к пяти утра в департаменте быть... служба-с! Соколов никому и никогда не проигрывал, а проиграл только однажды в жизни – не кому-нибудь, а самому черту!

Времена были другие – более скромные, и Соколова никто не называл чемпионом, никто не чествовал его, как триумфатора, и не склонял он чиновную выю под бременем лавровых венков.

Однако он стоит того, чтобы рассказать о нем подробнее.

Память у него была столь уникальная, что он наизусть помнил все законы Российской империи, которые, ежели собрать их вместе, так на одном возу было не увезти. Служил Соколов в комиссии для принятия прошений, был добр с людьми бедными и обиженными, а начальства боялся не меньше своей Авдотьи.

Чего она с этим “чемпионом” только не делала!

Великий законник по субботам колол для нее сахар на всю неделю, заводил часы с кукушкой, которая от старости уже не куковала, а звонко лаяла, как злющая болонка, перебирал запасы гречневой крупы, изымая из них черные зернышки для пропитания домашних куриц. Но при этом все помыслы Соколова были посвящены анализу шахматной игры гениального Андре Филидора; Иван Алексеевич, перебирая крупу, зрело обдумывал великое значение пешек в борьбе прочих фигур. Раскалывая “сахарные головы”, дабы наслаждаться чаем “впри-

куску”, Соколов в сложном мире 64 квадратов шахматного ристалища почти зримо усматривал громы викториальных сражений...

– С кем бы еще сразиться? – нежно грезил Соколов.

Между прочим, неродовитый и небогатый, Иван Алексеевич не имел обширной дворни, а лакеем при нем состоял некий Оська, который – за неимением лучшего партнера – иногда играл с баринком в шахматы, получая мат со второго или третьего хода. Этот вот Оська имел губительную привычку с утра пораньше навестить ближайšie трактиры, где он, в каждом выпивая, собирал все городские сплетни. По словам внука Соколова, сенатор иногда сам пудрил и завивал своего лакея, но от посещения трактиров не отговаривал, дабы не иссякал источник свежайшей информации, паче того, этот Оська божился перед иконами:

– Такая ж не просто пью, а кажинный раз за свово барина! Я ли не сыт? Я ли не одет? Я ли маты не получаю?..

Внук сообщал: “Привыкши к постоянному образу жизни, к одним и тем же лицам, дедушка не любил новых знакомств, и только шахматные игроки исключались из этого. Он рад был каждому и во всякое время... Шахматных игроков почитал своими ближними братьями, но поступал с ними немилосердно: всех побивал – редкому удавалось сыграть с ним вничью”.

Много лет подряд супружеская чета Соколовых проживала в стареньком доме, купленном давным-давно, когда Екатерина Великая была еще молоденькой озорницей. Полиция не раз требовала от них – то крышу починить, то мостовую перед домом поправить, а однажды Соколова обязали дом снаружи покрасить.

Как раз накануне Иван Алексеевич сделал отличный мат с пятого хода бригадиру Илье Котельникову, очень грозному шахматисту. Но Авдотье Александровне, поглощенной заботами по хозяйству, до этого мужнего мата не было никакого дела.

– В какой цвет краситься-то мы станем? – приставала она.

Тут Иван Алексеевич пал пред ней на колени.

– Голубушка ясная, – воззвал он, – дозвожь раскрасить дом клетками, будто шахматную доску, а в клетках велю малярам изобразить ферзя, слона, короля и пешек в атаке.

Авдотья Александровна облизала мутовку от варенья.

– Еще чего! – безжалостно отвечала она. – Да нас соседи засмеют на весь город, где это видано, чтобы фигурациями твоими стенки украшать? Играешь себе, ну и играй на здоровье, а меня, женицу свою, не позорь перед белым светом...

Перечить супруге Иван Алексеевич не смел:

– Дунечка, уж ладно дом, крась его в любой цвет, а мне хоть кали точку уступи... Очень уж хорошо у меня получился мат с пятого хода, когда я Котельникова уничтожил! Сию композицию успеха своего и желаю на калитке дома увековечить.

– На што это тебе? – спросила жена.

– Не мне... для потомства назидания!

Конечно, от дома Соколова теперь ничего не осталось, но в журнале “Иллюстрация” за 1845 год был помещен рисунок, который и разложен сейчас передо мною, читатель. Калитка, ведущая в дом Соколова, была все-таки раскрашена квадратами шахматной доски, а расположение шахматных фигур точно и наглядно указывало уличным прохожим, как разбивать соперника с пятого хода.

– Дуняшечка... ангелочек ты мой, – говорил Соколов жене. – Всех бойцов столицы имперской я уже побил, отчего местные даже играть со мною боятся. Но сказывают, что в Москве проживает дворянин Кологривов, который наперед указывает: вот на этом месте доски мат сделаю... Ходят слухи, будто Кологривов с нечистой силою знается, у него фигуры сами по доске скачут, как бесенятки, а в Париже он обыграл даже великого Филидора.

– Так не давиться ж тебе от зависти! – отвечала жена...

Черт явился в самый канун дня Крещения – 5 января 1789 года. На дворе мела страшная вьюга, углы дома потрескивали от лютого мороза, а с колокольни Симеоновской церкви как раз отбили полночь – самое время, чтобы черт явился из преисподней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.